

На правах рукописи

КОМЛЕВА Наталья Валентиновна

**АНТРОПОНИМИЯ ВОЛОГОДСКИХ ПАМЯТНИКОВ ОФИЦИАЛЬНО-
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVI – XVII ВЕКОВ**

Специальность 10.02.01. – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Вологда – 2004

Работа выполнена на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета

Научный руководитель:

Заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор филологических наук,
профессор Ю.И. Чайкина

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор Т.В. Бахвалова

кандидат филологических наук,
доцент И.А. Кюршунова

Ведущая организация:

Смоленский государственный
педагогический университет

Защита состоится 18 мая 2004 года в 15 ч. на заседании диссертационного совета КМ 212.031.03 при Вологодском государственном педагогическом университете по адресу: 160035, г. Вологда, пр. Победы, д. 37, ауд. 71.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского государственного педагогического университета

Автореферат разослан «15» апреля 2004 г.

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л.Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последнее десятилетие широкое развитие получает антропологическая лингвистика, в русле которой особое внимание уделяется изучению ценностных параметров локальных языковых картин мира, выражаемых средствами разных уровней языка: словообразования [Т.И. Вендина, Е.И. Зиновьева, Т.А. Кильдибекова и др.], лексики [Н.Д. Арутюнова, В.Н. Топоров, Ю.Д. Апресян, В.В. Иванов, Н.И. Толстой и др.], синтаксиса и грамматики [А. Вежбицкая, Т.В. Шмелёва и др.].

Антропонимия как составная часть лексической системы языка наиболее органично связана с культурой этноса и обусловлена особенностями национального характера. В последнее десятилетие большое количество выходящих работ по антропонимике обращено к культурологическому аспекту изучения имён собственных. На первый план выходит проблема взаимодействия имени и культуры народа, в которой оно рождено и где оно функционирует.

Неоднократно многими учёными подчеркивалась важность всестороннего изучения региональных антропонимических систем для решения главной задачи исторической антропонимики – дать полную картину развития общерусской системы именований.

Исследованию региональной антропонимии XVI – XVII вв., отражённой в памятниках официально-деловой письменности, посвящено немало интересных работ. Антропонимию переписных книг русских городов XVII в. изучал С.И. Зинин [1969], новгородских памятников деловой письменности – А.Н. Мирославская [1955], Р.Л. Сельвина [1976], пинежских – Г.Я. Симиная [1971], муромских – В.И. Тагунова [1971], белозерских – Т.В. Бахвалова [1972], томских – В.В. Палагина [1976], пензенских – Т.А. Закачкова [1978], пермских – Е.Н. Полякова [1979], нижегородских – Н.В. Данилина [1986], тверских – И.М. Ганжина [1992], карельских – И.А. Кюршунова [1994], великоустюгских – С.Н. Смольников [1996], уральских – Н.Н. Парфенова [1999], смоленских – И.А. Королёва [1999, 2000], вологодских – Ю.И. Чайкина [1987, 2000], И.Н. Попова [2002] и др.

При изучении локальных антропонимических систем отдельных регионов России необходимо учитывать особенности их социально-экономического развития. Закономерности общественного устройства прежде всего отражаются на принятой в официальных документах модели именования лица.

Антропонимия г. Вологды и Вологодского уезда систематическому анализу ещё не подвергалась. Существуют отдельные статьи, посвящённые этой проблеме (см. работы Ю.И. Чайкиной, С.Н. Смольникова, Д.Н. Семькиной и др.), но специальная монографическая работа отсутствует. Между тем изучение вологодской антропонимии, отмеченной в памятниках деловой письменности конца XVI – XVII вв., может иметь немаловажное значение в ряду других исследований антропонимических систем Северо-Запада России.

Историческое своеобразие Вологодского уезда по отношению к соседним и удалённым районам России конца XVI – XVII вв. определяется соединением здесь специфических черт, присущих двум различным аграрным системам: с

одной стороны Вологодский уезд примыкал к районам крепостнического хозяйства нечерноземных областей центральной России, например, Ярославской и Костромской, с другой стороны непосредственно граничил с черносошными районами Поморья.

Крепостные крестьяне длительное время находились в значительно более тяжёлых условиях жизни и труда, нежели крестьяне свободные. Между тем историки утверждают, что «общественное сознание черносошного крестьянства оказало заметное воздействие на проживающих в регионе монастырских, дворцовых и частновладельческих крестьян» [Камкин: 1987, 47]. Изучение антропонимической системы двух противопоставленных друг другу крестьянских миров с опорой на экстралингвистические факторы её развития могло бы стать немаловажным этапом на пути к познанию менталитета русского крестьянства в целом.

Один из подходов к изучению семантики имён собственных, в направлении которого выполнено настоящее диссертационное исследование, основывается на утверждении специфики лексического значения имён собственных по сравнению со значением апеллятивов. Сторонники данного подхода [Л.В. Щерба, В.А. Никонов, Е. Курилович, О.И. Фоякова и др.] говорят о наличии у имён собственных лексического значения как в речи, так и в языке. В настоящее время последователи данного направления (М. Косничану, В.И. Супрун, Е.А. Гарнопольская и др.) рассматривают в семантической структуре имени собственного, помимо денотативного и коннотативного макрокомпонентов значения, так называемый национально-культурный компонент значения имени собственного, который содержит многочисленные микрокомпоненты - фоновые, ассоциативные, этимологические, сакральные и другие семы. Именно национально-культурный компонент значения соединяет знак и концепты, стереотипы, эталоны, символы, на основе которых происходит формирование языковой картины мира.

Настоящее диссертационное исследование представляет собой опыт многоаспектного анализа антропонимии вологодских деловых документов конца XVI – XVII вв. Состав и особенности функционирования составных именованных лица рассматриваются отдельно по четырём социальным группам населения г. Вологды и Вологодского уезда XVI – XVII вв.: служилые и приказные люди (служилое и поместное дворянство), посадские люди (городские ремесленники и торговцы), крестьяне, священнослужители.

В ходе изучения вологодской антропонимии решались как традиционные задачи исторической антропонимики, так и некоторые проблемы антропологической лингвистики.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является антропонимия, зафиксированная в вологодских переписных и частных деловых документах конца XVI – XVII вв. Предметом исследования стали антропонимические процессы, выявленные при изучении показателей динамики антропонимиконов различных социальных групп населения, проживающего на территории г. Вологды и Вологодского уезда в рассматриваемый период.

Целью диссертационного исследования является всестороннее описание состава и функционирования именованных конца XVI – XVII вв., отмеченных в вологодских памятниках официально-деловой письменности, на фоне русской антропонимической системы того времени.

В соответствии с поставленной целью в задачи работы входит следующее:

1. Выявить и сопоставить особенности антропонимов документов делового стиля конца XVI, первой и второй половины XVII в. с целью констатации антропонимических процессов на территории Вологды и Вологодского уезда в рассматриваемый период времени. В процессе решения данной задачи предполагается изучить:

- состав личных имён и динамику его развития в именованных лиц четырёх сословий (служилые и приказные люди, посадские люди, крестьяне, священнослужители), сопоставляя антропонимический материал памятников первой и второй половины XVII в.;

- способы образования номинативных вариантов календарных и некалендарных личных имён;

- состав и морфологическую структуру патронимов как источников формирования отчеств и фамильных прозваний.

2. Рассмотреть мотивирующие основы некалендарных антропонимов и их семантику как источник информации о ценностных параметрах фрагмента языковой картины мира.

3. Установить особенности развития патронимической лексики в вологодских деловых документах рассматриваемого исторического периода, обусловленные экстралингвистическими факторами как общерусского, так и локального характера.

4. Определить функции антропонимических компонентов в официальной модели именованного лица, обозначить особенности процесса формирования нормы официального именованного лица в документах делового стиля.

Методы исследования традиционные для исторической антропонимики: описательный, сравнительно-сопоставительный и количественно-статистический. В рамках данных методов используются приёмы классификации имён, реконструкции имён и их форм, приёмы структурного анализа (формантного и исследования основ). Они рассматриваются в историческом и семиотическом аспектах.

Источниковая база диссертационного исследования. В качестве источников антропонимического материала привлекались различные памятники деловой письменности: документы массовой переписи населения г. Вологды и Вологодского уезда, материалы частно-деловых актов и некоторые другие дополнительные источники. Выбор источников обусловлен делением всего изучаемого материала на два синхронных среза: «последнее десятилетие XVI – 40-е годы XVII в.» и «50-е годы XVII в. – до конца XVII в.»; а также необходимостью анализа памятников различных видов старорусской деловой письменности в связи с тем, что именование лица в XVII в. во многом определялось назначением документа.

В работе использован материал опубликованных документов:

Переписная дозорная книга дворовых земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федьшиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вып. II, - Вологда, 1972.

Сотная на дворовое село Турунтаево Вологодского уезда 1588 – 1589 гг. (Подготовлена к печати Ю.С. Васильевым) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. – Вып. II. – Вологда, 1972.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574 – 1600 гг. // Под ред. доктора историч. наук А.Г. Манькова. – М. – А., 1979.

Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова 1616-1617 гг. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда / Краеведч. альманах. – Вып. I. – Вологда, 1994.

Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. – Вып. I. – Вологда, 1904.

Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. II. – Петроградъ, 1918.

Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища. – Вып. I – XVIII. – Вологда, 1899 – 1917.

Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. – Вып. I, - С-Петербург, 1906.

Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1927.

Суворов Н. Сборник актов Северного края XVII в. – Вологда, 1925.

Кроме того, изучен материал рукописных памятников массовой переписи населения г. Вологды и Вологодского уезда за вторую половину XVII в., находящихся в фондах Российского государственного архива древних актов:

Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

Писцовая и межевая книга князя Осипа Федоровича Борятинского 1686 года. – РГАДА, ф. 1209, ед. хр. К 14743, л. 1 – 259.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка многоаспектного исследования состояния и развития системы официальных именованных лиц в вологодских документах конца XVI – XVII вв. Проанализирован антропонимический материал неопубликованных памятников массовой переписи населения второй половины XVII.

7. На защиту выносятся следующие положения:

1) состав некалендарных личных имён, отмеченных в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв., не является однородным: функционируют внутрисемейные и прозвищные имена; существуют

различия в употреблении прозвищных некалендарных имён в процессе именованя лиц разных сословий;

2) популярность одних и тех же календарных личных имен у людей разных сословий, незначительная вариативность неканонических форм имён отражают национальную специфику русской антропосистемы XVI – XVII вв.;

3) специфика словообразовательной модификации личных имён в вологодских документах заключается в стремлении упорядочить фиксацию имён: употребление полных и модифицированных форм личных имён в вологодских деловых документах конца XVI – XVII вв. зависит прежде всего от социального положения именуемого, но определяется также видом и назначением документа;

4) историческое своеобразие Вологодского уезда определило некоторые региональные особенности процесса формирования третьего компонента модели именованя лица в вологодских деловых документах.

Теоретическое значение работы заключается в том, что в ней показаны особенности развития региональной официальной антропонимии в период наиболее активного процесса поиска устойчивых правил именованя лица в документах делового стиля, применён социальный подход к изучению старорусской антропосистемы.

Практическая значимость. Материалы, наблюдения и результаты исследования могут быть учтены при разработке спецкурсов и спецсеминаров по общей, исторической и региональной русской ономастике, исторической лексикологии. Материалы и основные выводы выполненного исследования могут быть использованы для сопоставления при изучении антропонимии других исторических периодов и регионов, разработки истории русской антропонимии в целом. В диссертации предлагаются конкретные методические приёмы, направленные на выявление показателей динамики антропонимиконов различных сословий населения, а также некоторые приёмы изучения антропонимов в целях воссоздания локальной языковой картины мира, которые могут быть применены в аналогичных исследованиях. Полные списки анализируемых в работе именованй, составленные отдельно по каждому сословию и по двум синхронным средам, а также словник апеллятивных основ некалендарных антропонимов и производных от них фамилий, могут иметь большое значение для лексикографов и учитываться при составлении региональных антропонимических словарей.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждались на конференции «Русская культура на пороге третьего тысячелетия: проблемы сохранения и развития» (г. Вологда – г. Белозерск, 2000), на заседании кафедры русского языка ВГПУ (г. Вологда, 2001, 2002), на семинарах аспирантов (г. Вологда, 2002), на III Межвузовской конференции молодых учёных (г. Череповец, 2002). Некоторые положения диссертационного исследования изложены в девяти статьях.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из введения, четырёх глав и заключения. Книга 1 – основной текст работы, список источников, словарей и литературы. Книга 2 – 10 приложений: историческая справка о Во-

логодском уезде, таблицы и графики, не включённые в основной текст работы, словарь апеллятивных основ некалендарных антропонимов, списки анализируемых в работе именовании.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его цели и задачи, указывается объект и предмет исследования, характеризуется методика изучения антропонимического материала, а также его источниковая база.

Глава I. Состав и функционирование некалендарных личных имён и прозвищ на территории г. Вологды и Вологодского уезда в конце XVI - XVII вв.

В начале главы даётся обзор основных проблем изучения некалендарных имён в русской антропонимической науке.

Один из сложных вопросов связан с разграничением функций некалендарных личных имён и прозвищ в официально-деловой письменности XVI - XVII вв. Рассматриваются три основных подхода к изучению данной проблемы:

1. Все русские по происхождению антропонимы до XVII в. включительно употреблялись в функции личных имен (Н.М. Тупиков, Н.Д. Чечулин, А. Балов, Н.Н. Харузин, Н.Я. Морозкин).

2. Все русские имена, кроме тех, что попали в святцы, имели в XVI - XVII вв. значение прозвищ (В.К. Чичагов).

3. Рядом с мирскими именами с самого древнего времени появляются прозвища, которые ничем не отличаются от мирских имён (С.И. Зинин, А.Н. Мирославская, Р.Л. Сельвина, Н.Н. Ушаков).

Данная работа, выполненная в рамках третьего подхода к решению проблемы разграничения некалендарных имён и прозвищ в деловой письменности XVI - XVII вв., а также принимающая позицию С.И. Зинина об употреблении некоторых некалендарных имён в значении современных прозвищ, продолжает изучение некалендарных личных имён XVI - XVII вв. с точки зрения неоднородности их состава.

В памятниках официально-деловой письменности г. Вологды и Вологодского уезда некалендарные антропонимы употребляются как в функции личных имен (*Пятунко Иванов с. Козлов, Олешка Пьянко*), так и в функции прозвищ (*Гришка Сласноежка, Нефедко Корнилов с. Кривоношка*).

В работе рассмотрены экстралингвистические и собственно лингвистические критерии разграничения внутрисемейных и прозвищных некалендарных личных имён.

Состав некалендарных антропонимов в функции личных имён, отмеченных в вологодских документах, не является однородным. Ядро *внутрисемейных* некалендарных личных имён составляют, прежде всего, имена, связанные с ожиданием и появлением ребёнка в семье - *Первушка, Мальный, Ждан, Бажен, Вешняк*. *Прозвищные* имена в большинстве своём содержат характеристику внеш-

него облика и особенностей поведения взрослого человека (*Тонкушка, Коротайко, Торонко, Суворко* и др.).

Состав внутрисемейных личных имён со второй половины XVII в. резко сокращается в количественном отношении, прозвищные имена полностью исчезают с первой позиции в модели именования лица. Занимая вторые и третьи позиции в модели именования, прозвищные имена какое-то время компенсируют недостаток фамильных прозваний.

Социальная дифференциация имеет место прежде всего в отношении активности использования некалендарных антропонимов в качестве личных имён при именовании лиц разных сословий. Больше всего внутрисемейных и прозвищных некалендарных личных имён зафиксировано в официальном именовании представителей нижних сословий.

Прозвищные некалендарные имена анализируются в русле современных исследований теории номинации, где является центральной проблема факторов, влияющих на выбор мотивировочного признака в номинативном процессе (т.е. развиваются идеи, изложенные в работах Н.Д. Голева, Л.Е. Кругликовой, С.Н. Смольникова).

Наблюдение над частотой употребления прозвищных имён каждого из рассмотренных лексических множеств в моделях именования людей из разных сословий позволяет сделать определённые выводы о сословной соотносённости некоторых лексем, лежащих в основе некалендарных антропонимов. Ряд лексем, лежащих в основе прозвищных имён, имеет внесословный характер. В семантической группе «Свойства, характер, поведение человека» для всех сословий одинаково употребительны имена со значениями ‘плохой, лихой человек’; ‘умственные способности’; ‘развратность, разгульность, пьянство’; ‘гневливость, нетерпимость к чужому мнению’; ‘ловкость, сноровка’. Общими для двух-трёх сословий являются имена: *Неустрой, Распута, Бовыка, Конос*.

Однако некоторые прозвищные имена встретились только в одном из сословий либо преобладают в одном из сословий. На основании установленных различий сделаны предварительные выводы о наиболее актуальных для каждого сословия духовных ценностях, отражённых в изучаемом отрезке языковой картины мира.

Только в именовании лиц служилого сословия отмечены прозвищные имена, образованные от имён существительных со значениями ‘трусость’ - *Иоаким Иванов с. Трусов* (Дан., 1558, САСК(К), № 171), ср. в гов. *трус* ‘робкий, боязливый человек’ [ВФ, 103]; ‘ложь, хвастовство’ - *Иев Демидович Голохвастов*, думный дворянин (КПВу, III, 1678, 66), ср. *голохваст* ‘бахвал, хвастун, пускающий пыль в глаза’ [Ганж., 132]; ‘грубость, нахальство’ - *Федка Кузминь с. Басалай* (КПВ, 1678, 282 об.), ср. *басалай* ‘грубиян, нахал’, волог. [Ф, I, 130]. Подобные черты характера и свойства личности не соответствуют облику достойного дворянина, порицаются дворянским «кодексом чести».

Прозвищные имена, восходящие к апеллитивам со значениями ‘трудолюбие’ и ‘уклонение от работы’; ‘ловкость, сноровка’ и ‘медлительность’, хотя и не являются исключительной принадлежностью сословия посадских людей, но

обладают значительной активностью в именовании жителей посада: Осипко Ивановъ с. *Крутко* (ПКВ, 1629, 52), прозв. *Крутко*; ср. в гов. *крутой* ‘скорый, проворный, быстрый’ *волог.*, ярс., пск., смл. [ВФ, 54]; Ондрюшка Семеновъ с. *Копотиловъ*, каменщикъ (ПКВ, 1629, 136), ср. *копотиться* ‘пытаться, стараться’ *Верх. Бульч.* [СВГ, И-К, 101]; Тренка *Валов* (ДКВ, 1616-1617, 366), ср. в гов. *вал* ‘лентяй, лежебока’ костр., новг., *волог.* [ВФ, 20]. Можно предположить, что репертуар прозвищных имён в среде мастеровых, ремесленников, торговцев и прочего рабочего населения старорусского города отражает одну важную особенность ценностной картины мира горожанина XVII века: актуальными являются те качества человека, которые измеряют степень его предприимчивости, желание и умение трудиться и организовать своё дело.

Те немногие прозвищные имена крестьян, которые попали на страницы писцовых документов, ещё более акцентируют внимание на зависимом положении именуемых. Наиболее полный состав имеют лексические множества ‘пьянство’; ‘озорство, задиристость’; ‘упрямство’; ‘гневливость’; ‘суетливость’ - *Заноза* Дмитриев (КПВу, 1589, 42), ср. *заноза* ‘задира’ [Д, I, 609]; *Брага* Неверов (КПВу, 1589, 9), ср. *Брага* ‘гуляка, пьяница’ [Селищ., 110]. Вероятно, безразличие к результатам своего труда, порождённое отсутствием чувства собственности, делало человека ленивым, пристрастным к выпивке. Однако в народной среде отношение ко всем этим свойствам человеческой природы было отрицательным, о чём свидетельствует большое количество имён и прозвищ, содержащих пейоративную оценку обозначаемых ими свойств и качеств.

Для каждого сословия характерен свой репертуар отпрофессиональных имён, причем число данных имён в именовании сословия горожан во много раз превышает их количество в других сословиях. Фамильные прозвища и прозвания посадских людей, как правило, содержат информацию о профессии, имеющих место в период жизни самого именуемого: *бобыль* Жданко Ивановъ с. *подъёмщикъ* (ПКВ, 1629, 157); *Тимошка* Михайловъ с. *Мельникъ* (КПВ, 1678, 103). Преобладают прозвища, указывающие на наиболее распространённые в изучаемый период времени промыслы и ремёсла. В отличие от них прозвища и прозвания лиц служилого сословия в основе своей содержат имена нарицательные, восходящие к названиям уже не существующих профессий или должностей, ср. *Ратман*, *Чашиник*, *Кушник*. Фамильные прозвания служилых людей содержат также информацию о воинских чинах (*Сотник*, *Майор*) или имеют косвенное отношение к воинской службе (*Стрелок*, *Караул*).

Апеллятивная лексика, лежащая в основе прозвищных имён и фамильных прозваний, зафиксированных в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв., изучалась также и с точки зрения её диалектного состава. Общий удельный вес прозвищных имён, восходящих к именам нарицательным, которые относятся исключительно к группе вологодских говоров, невелик (5 % от всех прозвищных имён). Однако наибольшее количество прозвищных имён с вологодскими диалектными корнями сосредоточено в двух лексико-семантических группах: «Свойства, характер, поведение человека» и «Внешний вид человека» - *Басалай*, *Пестерь*, *Зык*, *Кобыляка*, *Копоруля*,

Лоскут, Одёр и др. Данное положение особым образом подчёркивает мысль о том, что в изучаемом языковом коллективе на первое место выдвигаются морально-этические оценки, свидетельствующие о высоком уровне развития духовной культуры человека. Наблюдается явное преобладание лексем, в значении которых содержатся семы с пейоративной маркировкой.

В работе установлено, что в антропонимической системе деловых документов конца XVI – XVII вв. сохраняется антропонимический фрагмент древнерусской системы имён – модификаты двусосновных личных имён - *Гостюнка* Григорьев (КПВу, 1589, 99); *Брячко* Василев (КПВу, 1589, 95). Основная масса двусосновных личных имён исчезает бесследно в истории языка, и лишь немногие продолжают жизнь в качестве личных имён или в составе фамильных прозваний - *Сенка Антоновъ с. Любимовъ* (КПВу, I, 1678, 390); *Савка Матвѣевъ с. Путиловъ, пономарь* (КПВ, 1678, 262).

Антропосистема памятников вологодской официально-деловой письменности содержит след былого тюрко-татарского языкового влияния. Имена *татарского* происхождения по разным причинам продолжают функционировать в именнике людей различных сословий. В одних случаях они представляют собой своего рода дань традиции, память былых времён (татарские имена крестьян): *Мансур* Семенов (КПВу, 1589, 62); *Нагайко* Олександровъ (ПОВу, 1630, № 4, 46); *Бахтеяр* Филимонов, в других – указывают на прямого родоначальника татарского происхождения (татарские имена в составе дворянских фамилий): *Петрушка* Федоровъ с. *Колычев* (КПВу, I, 1678, 321); *Богдан* Андреевъ с. *Чеадаевъ, помещик* (КПВу, II, 1678, 104).

В вологодских деловых документах некалендарные личные имена женщин в очень незначительном количестве отмечены лишь в некоторых документах конца XVI – первой половины XVII в. Рассмотрены следующие некалендарные женские имена: *Кунавка, Милавка, Любава, Сурьяна, Духанка* и *Маурка*.

Глава II. Календарные личные имена в антропонимической системе г. Вологды и Вологодского уезда конца XVI – XVII вв.

Календарные личные имена, отмеченные в вологодских документах, составляют большую часть мужского и женского именника первой половины XVII в. (их доля равна 79 %) и почти полностью вытесняют некалендарные личные имена к последней трети XVII в. (98 %). Антропонимический материал документов массовой переписи и некоторых видов частно-деловых актов свидетельствует о том, что в рассматриваемый период наблюдается отсутствие социальной дифференциации личных имён. Состав наиболее употребительных имён разных сословий (служилых и приказных людей, посадских людей, священнослужителей и крестьян) имеет много общего. Для всех четырёх сословий установлены одни и те же наиболее популярные имена и имена со средней стабильной активностью. Кроме того, наиболее популярные имена вологжан в XVII в. (*Иван, Фёдор, Василий, Семён, Григорий, Петр, Алексей, Мария, Анна*) обладали высокой частотностью практически на всей территории Русского государства, о чем свидетельствуют многочисленные исследования по исторической ан-

тропонимике (см. работы А.Н. Мирославской, С.И. Зинина, Т.А. Закачкиной, С.Н. Смольникова, И.М. Ганжиной, Н.В. Медведевой, Д.В. Семькина и др.).

Анализ именных отдельных социальных групп населения позволяет говорить о различиях, связанных с количественными показателями репертуара имён. Репертуар календарных личных имён XVII в., обслуживающий податную часть населения Вологодского уезда (посадское население и крестьяне) в целом уже репертуара имён, имеющегося у сословий землевладельцев и священнослужителей. Разнообразие репертуара имён священнослужителей создаётся большим количеством редких имён. Чаше всего редкие имена встречаются у представителей монашества - ср.: дьякон *Аммон* [ПКВ, 1629, 24]; игумен *Питеримъ* [Челоб., 1626, САСК(К), № 5, 5]; архимандрит *Малахъ*, где, как известно, старались использовать имена, не употребляющиеся в миру. Календарный именной представителей служилого и поместного дворянства выглядит более разнообразным по сравнению с именником непривилегированной части мирского населения, среди которого в изучаемый период проявляется заметное действие традиции одноимённости.

В составе как мужского, так и женского именника преобладают антропонимы с одной устойчивой формой употребления, чаще неканонической. Вариативность календарных личных имён в каждом из рассмотренных сословий населения характеризуется использованием двух, реже трёх форм. Из общего числа канонических и неканонических форм преобладают варианты неканонические, при этом неканонические формы обладают большей степенью частотности.

Невысокая степень вариативности календарных личных имён в отношении их канонических и неканонических форм характеризует начальный этап складывания официальных норм фиксации личных имён. При именовании людей в официальном документе составители стараются использовать наиболее устойчивые формы календарных личных имён, ставшие уже привычными в бытовом употреблении.

Отсутствие социальных различий в выборе календарных личных имён людьми всех сословий XVI – XVII вв. характеризует менталитет русского народа в целом на данном этапе исторического развития. Это говорит о широком распространении ассоциативного фона календарных личных имён, обусловленного сменой мировоззрения: языческого на христианское.

С крещением Руси на смену языческому мировоззрению русского человека приходит система православных ценностей, однако пережитки языческого мышления ощутимы ещё и в XVII в., особенно в первой его половине. Это заключается не только в длительном употреблении некоторых некалендарных личных имён и прозвищ, но и в особенностях процесса заимствования новых календарных имён.

Внутренний механизм заимствования христианских имён может быть представлен как процесс взаимовлияния двух культур:

1. Христианская православная культура → Славянская языческая культура.

Христианская православная культура оказала заметное воздействие на славянское язычество, более того, она стала неотъемлемой частью русской культуры на все последующие века её развития. Если обратить внимание на культурную составляющую наиболее популярных в XVII в. календарных имён, то отчётливо прослеживается их связь с самыми распространёнными образами и персонажами христианской религии: *Иоанн* Креститель, *Иоанн* Богослов, архангелы *Гавриил* и *Михаил*, дева *Мария*, *Мария* Магдалина. Известно, что князь Владимир в начале своего княжения принёс в жертву идолам двух христиан, *Ивана* и *Фёдора*. Это была единственная человеческая жертва, предшествовавшая утверждению христианства на Руси, «возможно, поэтому имена *Иван* и *Фёдор* были столь популярны у русских» [Суперанская: 1998, 13].

Особенностью русской ментальности стало то, что вплоть до XVIII в. представители всех сословий, начиная от царя и бояр и кончая посадскими людьми и крестьянами, имели абсолютно тождественные религиозно-нравственные представления. При этом представление о царе как о наследнике прав и обязанностей византийских императоров определяло мышление не только самих государей, но и церковной иерархии, монашества и всего народа. В глазах Церкви и народа великий князь московский был абсолютным главой нации. Неслучайно, список наиболее популярных имён, используемых для именования людей всех сословий XVI – XVII вв., во многом схож с перечнем имён великих князей и царей, правящих в рассматриваемый период, ср.: *Иван* III (1462 – 1505), *Василий* III (1505 – 1533), *Иван* IV Грозный (1533 – 1584), *Фёдор* Иоаннович (1584 – 1598), *Василий* Шуйский (1606 – 1610), *Михаил* Федорович Романов (1613 – 1645), *Алексей* Михайлович (1645 – 1676), *Фёдор* Алексеевич (1676 – 1682), *Петр* I Алексеевич (1682 – 1725). Активное употребление данных имён объясняется еще и тем, что все они часто упоминаются в православном церковном календаре.

В XVIII – XIX вв. ситуация с популярностью имён уже совсем иная: именованье дворянства, где популярность имён во многом определялась модой на имена царской фамилии, будет резко противопоставлен именованию простого народа, где широкое распространение получат совсем другие имена [Зинин: 1969(1), 9].

2. Славянская языческая культура → Христианская православная культура.

Славянская языческая культура не была полностью вытеснена христианской культурой Византии, она в чём-то видоизменила, в чём-то приспособила к себе новую систему ценностей.

Осмысление иноязычных христианских имён в русском языке осуществлялось на основе сближения некоторых христианских святых со славянскими языческими божествами, в результате чего весь ассоциативный ряд, связанный с конкретным языческим божеством, переносился и на имя соответствующего христианского святого. Так, например, *Илья*-пророк воспринял черты и функции языческого бога грома и молнии *Перуна*, *Георгий*-Победоносец – солнечного бога *Хороса*, святой *Василий* – бога-покровителя скота *Волоса* и т.д. [Мировская: 1955, 109]. Языческая богиня мать-земля иногда отождествлялась с «богородицей», «пречистой девой *Марией*» [Тарнопольская: 2002, 25].

Некоторые календарные имена приобрели в народе нарицательное значение: Тит – лентяй, Вавила – суеверный и робкий человек, Макар – неудачник и т.д.» [Пушкарев: 1994, 149].

Глава III. Способы образования номинативных вариантов календарных и некалендарных личных имен, отмеченных в вологодских памятниках официально-деловой письменности.

Антропонимическая система вологодских памятников деловой письменности характеризуется большим количеством номинативных вариантов календарных и некалендарных личных имён¹. Разнообразие словообразовательных и не-словообразовательных модификаций календарных личных имён свидетельствует о значительной степени освоенности христианских имён в русском языке XVI – XVII вв. В этот период календарные имена в сознании носителей русского языка имеют уже развитый план содержания за счёт накопления дополнительных оттенков, связанных с выражением чувств, эмоций, оценок.

Изученные памятники официально-деловой письменности г. Вологды и Вологодского уезда конца XVI – XVII вв. демонстрируют особенности образования фонетических и морфологических вариантов календарных личных имён, в целом характерные для территории Русского Севера. Анализ вологодских имен позволил выявить следующие особенности, обусловленные диалектной адаптацией иноязычных имен в севернорусских говорах: оканье (Офонасей < Афанасий, Окул < Акул (Акила)); изменение конечных звуков –ий на –ей (Василей < Василий, Григорей < Григорий); одновременное или последовательное действие в именах нескольких процессов (Окатей < Акакий).

Кроме того, календарные личные имена на территории Вологодского уезда в XVII в. оказались подвержены фонетико-морфологическим изменениям, широко представленным в новгородских памятниках письменности: замена начального согласного (н) на (м) в именах Николай (Микула), Микита < Никита, Микифор < Никифор; замена конечного слога –он на –ан не только в безударном, но и в ударном слогах (Тиханко < Тихон).

Словообразовательные номинативные варианты личных имен создаются по деривационным моделям имен нарицательных: к основам (полным или сокращенным) личных имен присоединяются различные аффиксы, омонимичные аппеллятивным аффиксам с экспрессивным значением.

В основе предложенного в главе опыта анализа деривационных моделей номинативных вариантов личных имен лежит традиционный принцип цельности и отсутствия цельности производящей основы. Вслед за А.И. Толкачевым используются термины *полная* и *сокращенная* основы.

При анализе сокращенных основ учитывается их фонетическое оформление: консонантные сокращенные основы (Пер-ша, Зин-я) и вокалические (Гри-ша, Тре-ня). Устанавливается ступенчатый характер модификации календарных и некалендарных личных имен: рассматривается *первичная* модификация личных

¹ Вариант имени (вариантная форма имени) – видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях [Подольская Н В Словарь русской ономастической терминологии. – 2 изд. – М. Наука, 1988 – С 43]

имен на базе полной или сокращенной основы исходного имени (Степан > Степанко, Гаврил > Гавря, Богдан > Богдаша) и вторичная модификация, когда к основам модификатов первой ступени присоединяются новые аффиксы (Гавря > Гаврик, Богдаша > Богдашка).

Изучение модификатов личных имен в антропосистеме вологодских деловых документов позволило сделать вывод о специфике деривации личных имен в XVII в. Данный процесс в рассматриваемый период имел двусторонний характер. С одной стороны, модификаты календарных личных имен продолжают использовать деривационные типы и модели исконно русских имен, с другой – некалендарные личные имена, сохранившиеся к XVII в. в незначительном количестве, создают словообразовательные номинативные варианты своих полных форм по новым деривационным моделям календарных имен – по аналогии с деривационным типом модификатов календарных личных имен Степан > Степа < Степка появились модификаты некалендарных личных имен: Нечай > Неча > Нечка.

В течение всего XVII в. сохраняют продуктивность общерусские антропонимические форманты: -К(О)/-К(А); -Ш(КА); -УШ(КА)/-ЮШ(КА); -УН(КА)/-ЮН(КА); -Н(КА). Непродуктивные антропоформанты относятся либо к исчезающим деривационным моделям (-УТ(А)/-ЮТ(А); -АК(А); -Х(А); -Д(Я); -ХН(О); -ИК; -ЫШ), либо к формирующимся новым в истории языка (-Ш(А); -А/-Я; -Н(Я)). Отдельные аффиксы, относящиеся к непродуктивным деривационным моделям, обнаруживают наличие локальной окраски (например, антропоформанты новгородского происхождения – ЫШ, -АК(А), -ХН(О)).

Использование полных и модифицированных форм календарных личных имён в вологодских деловых документах конца XVI – XVII вв. определяется совокупностью следующих экстралингвистических факторов: территорией, где составлялись документы, социальным положением именуемого, жанрово-стилистической разновидностью, видом и назначением документа.

Результаты исследования подтверждают мысль о том, что в ряде диалектов той зоны вологодских земель, где господствовало крупное землевладение (современные Белозерский, Шекснинский, Вологодский, Грязовецкий и некоторые другие районы), словообразовательные модификаты личных имён имели значительную активность, в отличие от восточной зоны земель (современные Вожегодский, Верховажский, Тарногский, Кичменгско – Городецкий районы), где большее употребление имели полные формы имён.

В деловых документах некоторые словообразовательные номинативные варианты личных имён приобретают ярко выраженную социальную окраску и тем самым становятся прообразом официальных форм имени. При составлении документа дьяк руководствуется принципом социальной дифференциации, выбирая форму личного имени именуемого лица. Имена знатных людей заносятся в документы, как правило, в полной форме, тогда как номинативные варианты календарных имён с суффиксами -К(О)/-К(А); -ИЦ(А) (в женских именах) получают официальный характер для называния лиц низших сословий: «Д. Василья Семенова сына Дохтурова у него дворникъ вологодской пристав Ивашко Са-

винов сын Свешников у него сын *Федотка* трех лѣтъ» (КПВ, 1678, 5 об.); «Д. вдовы княгини *Парасковьи* Ивановны князь Дмитреевские жены Васильевы Ромодановской» (КПВ, 1678, 13); «Д. вдовы посацкого человека Ивановской жены Ерофѣева сына Важенина *Лукерьицы* Ѳедоровой дочери» (КПВ, 1678, 58).

Суффиксы -К(О)/-К(А); -ИЦ(А); -ИЩЕ служат своеобразным языковым приёмом для создания стиля челобитных грамот.

Вологодские памятники официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв., относящиеся к некоторым видам частно-деловых актов (купчие, поручные, памяти и т.п.), имеющим важное юридическое значение, содержат полные формы календарных личных имён представителей всех сословий населения: «... заказщикъ Воскресенской попь *Ивань* Никиборовъ у Покровскаго священника у *Михайла* Данилова принял венечной пошшины с отрока *Микивора* Семенова с *Ульянией* Яковлевой, оба первым браком ...» (Отп. платѣжная, 1672, ОСВ, вып. 5, 22); «*Поручная запись* Вологжанъ посадскихъ людей *Ивана* Исакова сына Соленика да *Дмитрія* Петрова сына Шапочника старцу казначею *Иосифу* Васильеву ...» (Поруч., 1672, ОСВ, вып. 8, 37); «Се яз с Вологды Спасского Прилуцкого монастыря черной священникъ *Иона* Опраксинъ что служить на Москве на монастырьскомъ подворье ...» (Заем. каб., 1643, ОСВ, вып. 6, 60). По-видимому, закрепление официального статуса за полной формой личного имени происходило в первую очередь в документах, имеющих более значимую юридическую силу и требующих наиболее точной идентификации лица.

Глава IV. Состав и особенности развития патронимической лексики в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв.

Патронимы в именовании XVII в. являются основным источником формирования современных отчеств и фамилий. На основе компонентов сложного патронима, представляющего собой в целом именование по отцу, сформировались две самостоятельные антропонимические категории: *отчество* – именование по личному имени отца и *фамилия* – наследуемое семейное именование, восходящее к личному имени или прозвищу предка по отцовской линии.

Простые патронимы выражались одной антрополексемой в именительном падеже, оформленной суффиксами принадлежности – ов / -ев, -ин / -ын, реже антрополексемой в родительном падеже с флексиями –а, -о. В основе простого патронима лежало личное имя или прозвище отца именуемого. Личное имя могло быть как календарное, так и некалендарное по своему происхождению: «Д. каменщика *Ивашка Насонова*, а прежь тово был стрѣльца Анфимка *Евсевьева* ...» (ПКВ, 1629, 123); «Д. кирпичника *Ивашки Дружинина*» (КПВ, 1678, 94). Ср. также: крестьяне Гришка *Гуляев с.* (ПОВу, 1630, № 2, 82), Власко *Замятинъ* (Челоб., 1667, САСК(К), № 69, 135), Русинко *Осмово* (КПВу, 1589, 12).

С XVI в. становится общепринятой система именовании, при которой патроним отца добавляется к патрониму сына, что отвечает назревшей потребности времени в более точной идентификации лица. В документах XVII в. простые патронимы всё чаще заменяются сложными патронимами, образованными от

именования отца в целом *Сложные* патронимы представляли собой посессивную конструкцию, состоящую из двух, реже трёх антрополоксем. Именование лица формально состояло уже из трёх компонентов, но по сути своей оно оставалось двухкомпонентным, соответствуя формуле: «личное имя + патроним (прозвание по отцу)».

В исследуемых документах выделяются следующие группы сложных патронимов по происхождению составляющих их компонентов:

1. Патронимы, мотивированные сочетанием личного имени и прозвища отца именуемого: ср. *отец - Федка* Иванов с. *Сухорук* (ПКВ, 1629, 165), *Фетка сухорук* (ДКВ, 1616-1617, 349); его *сыновья - Ортюшка*, с. *Фетки Сухорука* (ДКВ, 1616-1617, 349), он же *Ортюшка Федоровъ с Сухоруковъ* (ПКВ, 1629, 64); *Дружинка Федоровъ с Сухоруковъ* (ПКВ, 1629, 64).

2. Патронимы, мотивированные сочетанием личного имени с дедичеством или фамильным прозвищем отца: ср.: «Д. тяглою *кожевниковъ* Ивашки да *Лучки Ивановыхъ детей Глотова*» (ПКВ, 1629, 160); «Д. бобылей *Фомки* да *Михалки Богдановыхъ детей Косова*» (ПКВ, 1629, 184); *Василей Сергеевъ с Тонкова* Шайдур, атаман (Челоб., 1625, С-1, № 2, 21), *Ивашко Дементьевъ с Серединого* (КПВ, 1678, 245). *Отец - Федор Бесѣдный* (ПКВ, 1629, 145), он же *Федоръ Бесѣдновъ* (Челоб., 1627, С-1, № 4, 59); сын - *Григорей Федоров с Бесѣдной* (Челоб., 1636, ОСВ, вып. 7, 3), *Григорей Федоровъ с Бесеѣдново*, помещик (Челоб., 1630, С-1, № 25, 392). *Якушко Пудежсково* (ПКВ, 1629, 82), *Степан Яковлевъ с Пудюского* (Челоб., 1658, САСК(К), № 46, 72). У патронимов данной группы второй компонент обязательно имеет флексии – а, - о, которые и указывают на его статус в составе сложного патронима – дедичество.

Основным источником современных *отчеств* является первый компонент составного патронимического образования. Антропонимический материал вологодских памятников деловой письменности конца XVI – XVII вв. подтверждает мнение исследователей антропонимии других регионов России о том, что в XVII в. отчество существует уже как самостоятельная антропонимическая категория. Будучи категорией языка, отчество имеет хорошо развитый план выражения: первый компонент сложного патронима, занимающий второе место в модели именованного лица, образованный от календарного личного имени отца именуемого, оформленный суффиксами – вич, - ович / - евич; - ов / - ев, - ин / - ын. Планом содержания данной категории служит давно сложившееся представление о важности установления ближайших родственных связей по отцовской линии в патриархальном обществе. Создание отчеств преимущественно на базе календарных имён свидетельствует, в свою очередь, о развитии категории *календарного личного имени* в русском языке. Выбор суффиксов обусловлен социальным положением именуемого (- ович / - евич – для лиц дворянского сословия, – ов / - ев, - ин / - ын – для остальных категорий населения), но при этом во многом зависит от вида конкретного документа и от ситуации общения в целом.

В деловой документации г. Вологды и Вологодского уезда XVII в. в именовании лиц всех сословий возрастает количество *сложных патронимов*. Причи-

ной данного явления явились несколько факторов. Во-первых, изменение экономических и социальных условий жизни в связи с созданием Московского централизованного государства потребовало более точных способов идентификации лица. Во-вторых, исчезновение некалендарных личных имён из официального именования и ограниченное количество пришедших им на смену календарных личных имён привело к тому, что к именованию человека стали привлекаться все дополнительные компоненты (индивидуальные и семейные прозвища, личные имена и отчества отца, деда). В-третьих, закономерно возникает необходимость появления фамильного прозвания как родового наследственного именования лица. В сословном обществе важно установление родственных связей, указание на социальное происхождение человека.

Процесс образования русских *фамилий* носил разновременный характер как применительно к различным сословиям населения, так и к различным регионам России. Местоположение Вологодского уезда в социально-экономической зоне преобладающего поместно-вотчинного землевладения определило некоторые региональные особенности процесса формирования третьего компонента модели именования лица в вологодских деловых документах.

По данным вологодских памятников деловой письменности именования горожан, построенные по трёхкомпонентной модели, в первой половине XVII в. составляли 5,92 % от всех других отмеченных моделей именования, во второй половине XVII в. их доля равнялась уже 39,58 %. Употребляются ещё фамильные прозвания, но активно идёт процесс становления профессионально-должностных фамилий, функционировавших в среде ремесленников и торговцев: Захарко Васильевъ с. *прядильщикъ* (ПКВ, 1629, 114) и Куземка Потаповъ с. *Прядильщиков* (ПКВ, 1629, 183); Патрекейка *квасник*, бобыль (ПКВ, 1629, 107) и Захарко Патрекъевъ с. *Квасников* (КПВ, 1678, 287).

Известны целые династии крупных вологодских купцов XVII века: Алачугины, Верещагины, Гладышевы, Белавинские, Глазуновы, Желвунцовы, Сычуговы и др. Ср.: Пол.-л. п. ч. Лазарка *Алачугина* (ПКВ, 1629, 38); Двѣ лавки п. ч. Лазарька *Алачугина*, по лицу въ сапожной рядѣ 5 сажень съ третью (ПКВ, 1629, 35); Гаврилко Исаковъ с. *Алачугин*, кожевникъ (ПКВ, 1629, 178); Д. гостиной сотни Микифора Константинова сына *Пардвеньева* (КПВ, 1678, 280 об.); «Д. пуста гостя Гаврила Мартъянова сына *Фетиева*» (КПВ, 1678, 57 об.).

У вологодских частно-владельческих (помещичьих) крестьян, как правило, отсутствует третий компонент в модели именования в писцовых и некоторых других документах, но у монастырских детёнышей (крестьян, приписанных к монастырю и обрабатывающих монастырскую пашню), третий компонент, напротив, зачастую присутствует в тех же самых документах, ср.: в. *Евлашко Алекъевъ* (ПОВу, 1630, № 9, 165); «Д. *Якова Семенова сына Кузмина* у него живет крестьянин ево *Фетка Никифоров сын*» (КПВ, 1678, 31); «бежали детеныши крестьянские дѣти живущие в монастыре поблизости и работающие найму казённого ... Аничка Григорьев сынъ Зиновьевской *мухинь*, Ивашко Фодоровъ с. Прозвание *раковъ*» (КПВу, I, 1678, 396).

Определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именовании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого. Писцовые документы используют в основном однотипные двучленные модели для именовании однородной массы помещичьих крестьян, перечисляющихся в документе после упоминания полного имени их владельца – помещика. Вероятнее всего, в быту фамильные прозвания крестьян в рассматриваемый период времени уже существовали, но процесс закрепления их как самостоятельной антропонимической категории в официальных документах Вологодского уезда конца XVI – XVII вв. значительно опаздывал по сравнению с теми северными территориями России, где преобладало государственное землевладение. Так, изучение антропонимии и топонимии отдельных территорий Вологодского края, отмеченных черносошным земледелием, позволило лингвистам сделать вывод о том, что ареал трёхкомпонентных фамильных именовании крестьян охватывает в XVII – XVIII вв. территорию, расположенную по течению Северной Двины: Устюжский, Двинской, Усольский уезды, а также Устьяновские волости [Чайкина: 1982, 53; Смольников: 2000, 276].

Появление третьего компонента в модели именовании вологодских крепостных крестьян наблюдается в документах частно-делового характера. В этом случае именование крестьянина употребляется без упоминания имени помещика, его владельца, и поэтому для точной идентификации личности человека становится необходимым использования антропонимических средств, имеющих большую различительную силу, нежели личное имя и отчество: Исачко Леонтиевъ с. *Рукавишников* (Поруч., 1670, ОСВ, вып. 3, 27); Иван Дмитриев с *Власов* (Порядн., 1593, ОСВ, вып. 6, 15) и др. Таким образом, фамильные прозвания у того или иного сословия развиваются по мере развития официально-деловых отношений внутри членов данного сословия. Естественно, что сфера официально-деловых отношений внутри социальной группы помещичьих крестьян была значительно уже, нежели в других слоях населения.

Анализу подвергался общий состав и функционирование мужских и женских моделей именовании. За период XVII века происходит некоторая унификация состава именовании, в связи с чем заметно сокращается количество различных моделей именовании лица в деловых документах. Особенно резкое сокращение моделей именовании лица в деловых документах XVII в. демонстрирует сословие посадских людей: в документах первой половины XVII в. встретилось 42 вида моделей именовании, в источниках по второй половине XVII в. – 20 видов моделей, что соответствует активному процессу формирования фамилий в среде городских ремесленников.

Структура модели именовании лица указывала на принадлежность человека к определённому социальному слою. Структурными компонентами самых частотных моделей являются календарные личные имена или производные от них антропонимы, что соответствует процессу формирования в XVII в. официальной модели именовании лица, в которой первые и вторые компоненты являются по преимуществу календарными по происхождению антропонимами.

Обращение к исследованию женских именовании в памятниках деловой письменности позволяет глубже понять социальный статус женщины. Женщина в XVII в. не являлась юридическим лицом, её личность в документе устанавливалась исключительно по мужской линии: модель именовании незамужней женщины обязательно включала в свой состав патроним по отцу, модель именовании замужней женщины или вдовы – патроним по мужу.

Норма официального именовании мужчин складывается быстрее, женские модели именовании отличаются от мужских не только большим составом входящих в них компонентов, но и отсутствием строгой последовательности в расположении компонентов.

Женские модели именовании в вологодских памятниках деловой письменности характеризуются высокой степенью вариативности своего состава и многокомпонентностью. Многокомпонентные модели именовании наиболее распространены при именовании женщин всех сословий, однако существенное социальное различие заключается в том, что модели именовании женщин низших сословий значительно реже содержат в своём составе фамильные прозвания, чем модели именовании представительниц знатного сословия: Коровница мнтр *Улитка Осипова дочь Филимоновская жена Иванова* (КПВу, III, 1678, 137 об.); *Васильева жена Трусова Аринка Григорьева дочь*, помещица (Челоб., 1652, ОСВ, вып. 11, 36)

Социальную ограниченность обнаруживают одно- и двучленные модели, которые употребляются преимущественно в именовании представительниц непривилегированных слоёв населения – вдов крестьян и посадских людей, а также служительниц церкви, ср.: «Вдова *Татьянка Оверкиева жена*, ходить по миру» (ПКВ, 1629, 176); «Д. пусть дьяконицы вдовы *Анницы*» (КПВ., 1678, 20).

Наблюдение над составом женских именовании также позволяет говорить о начале процесса выработки официальной модели, соответствующей требованиям наиболее точной идентификации лица в сфере деловых отношений. Громоздкие пятикомпонентные модели именовании женщин в деловых документах XVII в. начинают уступать место моделям именовании, содержащим меньшее количество компонентов.

В заключении подведены итоги проведённого исследования, обобщены выводы, сделанные в главах.

Современная русская антропонимическая система включает в наименование лица три элемента: имя, отчество и фамилию. В XVI – XVII вв. существовала иная антропонимическая система, и она отражала другое мировоззрение русского человека.

Славянская языческая культура не была полностью вытеснена христианской культурой Византии, она в чём-то видоизменила, в чём-то приспособила к себе новую систему ценностей. В то же время и христианская православная культура оказала заметное воздействие на славянское язычество, более того, она стала неотъемлемой частью русской культуры на все последующие века её развития.

Следующим фактором, обусловившим специфику антропосистемы памятников деловой письменности XVI – XVII вв., является социальная неоднородность определённых антропонимических единиц и ставшая в тот период времени насущной потребностью необходимость формирования трёхчленной модели официального именования лица.

Состав лексем, имеющих преимущественное употребление в основах календарных имён лиц разных сословий вологжан XVI – XVII вв., позволяет говорить о существенных различиях в системе ценностей трёх наиболее противопоставленных друг другу сословий: крестьян, служилых и посадских людей.

Данные изученных памятников, отражающие нормы официального именования вологжан в конце XVI – XVII вв., свидетельствуют о начавшемся процессе стандартизации официального именования лица в деловой сфере. Это проявляется и в использовании канонических и неканонических форм календарных личных имен, и в характере словообразовательной модификации имён, зафиксированных в вологодских деловых документах, и в закреплении официального статуса за полной формой личного имени в документах, имеющих более значимую юридическую силу и требующих наиболее точной идентификации лица.

Определяющим для процесса закрепления фамилий в официальном именвании, является такой экстралингвистический фактор, как степень юридической самостоятельности именуемого. Степень же юридической самостоятельности лица обусловлена правовым статусом человека, проживающего в той или иной экономической зоне Русского государства XVI – XVII вв.

Помещичьи и черносошные уезды России принадлежали двум различным историческим общностям русских, и изучение формирования русской антропонимической системы в целом необходимо осуществлять в тесной связи с изучением социально-экономических показателей развития отдельных регионов государства.

Проанализированный материал вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI – XVII вв. показывает, что вологодская официальная антропонимия в период наиболее активного процесса поиска устойчивых правил именования лица в документах делового стиля развивалась в целом в соответствии с общерусскими тенденциями формирования антропосистемы. Установлены существенные региональные особенности развития антропонимии деловой сферы, обусловленные социально-исторической спецификой исследуемого региона. Выявленные особенности не только позволяют внести дополнения и уточнения в общую картину развития русской антропонимической системы, восстанавливаемой по данным памятников официально-деловой письменности, но и имеют немаловажное значение, прежде всего, для изучения социально-экономической истории и культуры самого Вологодского уезда XVI – XVII вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Сокращённые формы русских и немецких имён-композиата: структурная классификация // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. – Вологда, 1999. – Вып. VII. – С. 3-14.

2. Владимир – Waldemar // Русская речь. – 2000. – № 6. – С. 76-79. (В соавторстве с Г.В. Судаковым)

3. Некалендарные имена жителей г. Вологды в Писцовой книге 1629 г. // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. – Вологда, 2001. – Вып. IX. – С. 8-14.

4. «Дух народа» в его именах // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. – Вологда, 2001. – С. 265-271.

5. Личные имена вологжан в XVII веке: состав именника, его статистическая структура и особенности изменения // Сборник трудов участников III Межвузовской конференции молодых учёных. – Череповец, 2002. – С. 38-40.

6. Вятские имена в повести В.Г. Короленко «История моего современника» // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен – Вологда, 2002. – С. 259-262.

7. Деривация мужских личных имён в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI – XVII веков // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда, 2002. – С. 36 – 52.

8. Патронимы в именовании вологжан конца XVI – XVII веков // Русское слово в тексте и в словаре. – Вологда, 2003. – С. 102 – 110.

9. Именования вологжан в XVII веке как источник по истории старорусского города // Вологда / Краеведч. альманах. – Вологда, 2003 – Вып. IV. – С. 453 – 458.